

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ В ИСКУССТВЕ

ББК 82.3 (2Рос=Рус)
УДК 398.332.33 + 392.51

ОБРАЗ ПРАЗДНИКА В ОЧЕРКЕ Н. М. КАРАМЗИНА «СЕЛЬСКИЙ ПРАЗДНИК И СВАДЬБА»¹

МИХАИЛ ГЕРШОНОВИЧ МАТЛИН

(Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова: Российская Федерация, 432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4)

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие изображения русского народного свадебного обряда и уникального праздника, получившего в Западной Европе условное название «праздник слуг», в очерке Н.М. Карамзина «Сельский праздник и свадьба». В нем писатель не дает описания обобщенной свадебной традиции отдельного региона, а воспроизводит детали конкретного свадебного обряда, который он наблюдал лично. Такой принцип фиксации народной свадьбы стал одним из самых распространенных в России в середине XIX в. Карамзин тщательно отмечает не только обрядовые комплексы, но и отдельные акты, песенные и прозаические тексты с точным указанием, в каких конкретных обрядовых ситуациях и кем они исполняются. Уникальность данного описания свадьбы еще и в том, что этнографизм сочетается здесь с точной передачей индивидуальных эмоциональных состояний ее участников, прежде всего невесты. «Праздник слуг», который завершает праздник в поместье, был нехарактерен для русской традиционной культуры. Вероятнее всего, он возник в данном поместье под влиянием английской традиции, которая еще существовала в конце XVIII в. в Англии. Все это делает очерк по-прежнему важным для истории русской фольклористики как одно из первых описаний народной свадьбы. В нем можно видеть некоторые характерные особенности процесса взаимодействия литературы и фольклора в русской прозе XVIII в. Он также помогает лучше понять роль фольклорного и этнографического материала в художественном воплощении социально-этического идеала Н.М. Карамзина.

Ключевые слова: русская народная свадьба, праздник, фольклоризм, этнографизм, очерк, Карамзин.

В «Московском журнале» [Берков 1952, 497–521] за 1791 г. был опубликован очерк Н.М. Карамзина «Сельский праздник и свадьба» [Карамзин 1791] с подзаголовком «Письмо к...» и с дополнительной пометкой об адресе и дате его отправки: «село ...ское 3 октября 1790 г.». Данный очерк писателя уже становился предметом анализа с точки зрения особенностей мировоззрения Карамзина в этот период [Кис-

лягина 1976, 74–76], своеобразия жанра [Пиксанов 1958, 322; Виноградов 1961, 341, 342, 353 и др.], особенностей описания свадебного обряда [Виноградов 1961, 356–360; Позднякова 2003, 96–104] и др. Тем не менее он и до сегодняшнего времени не потерял значения как для истории русской фольклористики, так и для исследования процесса взаимодействия литературы и фольклора. Значим он и для уяснения своеобразия ху-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда — проект № 13-04-00254.

дожественного воплощения социально-этического идеала писателя и роли этнографического материала в этом воплощении.

Рассмотрим некоторые из обозначенных аспектов.

Как справедливо отметил в свое время В.В. Виноградов, «...в статье “Сельский праздник и свадьба” едва ли не впервые — на основе личных впечатлений наблюдателя — реалистически изображен обряд русской свадьбы с очень интересными деталями. Такого подбора черт свадебного ритуала, как в этой статье, нельзя найти в ближайших по времени этнографических сообщениях» [Виноградов 1961, 356]. О невиданной для того времени полноте и точности воспроизведения русского свадебного обряда писала в своей диссертации и Е.Г. Позднякова, уточняя, что в очерке «впервые в русской прозе представлен обряд и как этнографическая данность, и как средство раскрытия чувств героев» [Позднякова 2003, 94]. Действительно, в очерке Карамзин дает описание не обобщенной свадебной традиции отдельного региона или локуса, а конкретного свадебного обряда, который лично наблюдал автор. Такой принцип освещения традиционной свадьбы в дальнейшем оказался одним из самых распространенных в собирательской работе, развернутой в России в середине XIX в. под руководством Императорского Российского географического общества. Как и будущие собиратели, Карамзин в своем очерке тщательно фиксирует не только обрядовые комплексы, но и отдельные акты, песенные и прозаические тексты с точным указанием на то, в каких конкретных обрядовых ситуациях и кем они исполняются.

Покажем это на следующем примере. «Лишь только успел дойти, услышал песни и увидел жениха, скачущего верхом с дружкой и с двумя из своих родственников, а за ними две телеги парами, где сидела сваха с прочею жениховою роднёю. Вместо того чтобы отворить ворота, их заперли. Приехали и остановились. На плечах у жениха приколот был красный платок. Хозяин из-за ворот спросил, что за люди приехали? “Мы охотники, — отвечал дружка, — ездили по долинам и лесам и приехали спросить, не забегал ли к вам красный зверь?” — “Нет у нас зверя красного, — отвечал хозяин, — поезжайте спрашивать в другое место”. Жених с дружкой поскакали прочь и опять назад, остановились, сказали то же, и опять были

прочь отосланы. Телеги и другие два вершника стояли все у ворот; сваха тянула свадебные песни. Между тем невеста, сидя за накрытым столом, где стоял хлеб с солью, обливалась горькими слезами, а родня ее выла, приговаривая: покидаешь ты нас, покидаешь, и проч.» [Карамзин 1791, 302–303].

Как видно из фрагмента, автор точно и последовательно описывает драматургическую основу данного обряда, приводит иносказательную речь, которой дружка общается о цели их приезда, отмечает весьма редкое в русской свадьбе групповое причитание женщин со стороны невесты. Не забывает Карамзин обозначить некоторых наиболее важных свадебных персонажей в составе свадебного поезда — дружка, сваха, вершник, а также сообщить о значимых ритуальных деталях — красном платке, приколоте на плече жениха, хлебе и соли на столе перед невестой.

Не имея возможности видеть лично завершение свадебной церемонии в первый день свадьбы, писатель тем не менее считает, что необходимо сообщить читателю эти сведения. Интересно, что они представляют собой перечень некоторых актов, исполняемых в доме жениха, и имеют исключительно этнографический характер. Не желая, по-видимому, разрушить атмосферу достоверности изображенного, он указывает, как были получены эти сведения: «Мне сказывали» [Там же, 306].

Уникальность данного описания свадьбы еще и в том, что этнографизм сочетается здесь с точной передачей индивидуальных эмоциональных состояний ее участников, прежде всего невесты. «Луч радости блеснул в глазах ее <...> Покраснев и потупя глаза в землю, отвечала она» [Там же, 295], «она в золотом своем венце и в розовых рукавах — под цвет ее щек, раскрасневшихся от сильного внутренне-го движения» [Там же, 305].

Психологическое значение имеет и описание Карамзиным происшествия со свечой. Действительно, по венчальным свечам определяли будущую судьбу новобрачных, поэтому внезапное ее потухание означало скорую и неизбежную смерть того, в чьих руках она погасла. Достигнув в этот момент высшей точки напряжения в описании ситуации, автор далее снимает его у читателей, заставляя их радоваться вместе с ним, что этой прекрасной и счастливой паре удалось избежать беды.

Однако при всем том описание свадебного обряда ни в коей мере не является целью данного очерка и не определяет ни его содержания, ни идеи. Изображение свадьбы разбивается несколькими эпизодами, которые, с одной стороны, максимально сближают время рассказывания с временем действия, что усиливает эффект достоверности и даже документальности происходящего, а с другой — имеют как самостоятельное значение, так и составляют вместе с описанием свадьбы сложный образ Праздника. Неслучайно именно эта тема вынесена в заглавие и заявлена в самом начале, оставаясь и далее сквозной и доминантной. «Я давно уже знал, что приятель мой ***, который обыкновенно проводит лето и начало осени в ...ской своей деревне, по уборке хлеба дает пир своим крестьянам; а ныне удалось мне быть самому на сем празднике. Когда настал день праздника, все поселяне, числом до четырехсот, собрались к обедне» [Там же, 292]. Напомню, что датой написания письма является 3 октября, что позволяет с большой долей вероятности утверждать, что речь идет о празднике Покрова Пресвятой Богородицы, праздновавшемся 1 октября по старому стилю. Этот праздник стал основой развития глубинной религиозной семантики в традиционных календарных обрядах, завершавших получение урожая, а также начала брачного сезона. Об этом говорят традиционные присловья и приметы: «Покров землю и девку покроет (землю снегом, а девку платком)», «Если на Покров выпадет снег, то это предвещает много свадеб», «Покров-батюшка, покрой землю снежком, а меня женишком!» [Агапкина 2009, 127–128].

Описание праздника у Карамзина также этнографично: он начинается с торжественного богослужения, на котором присутствуют все — господа, слуги, крепостные крестьяне, при этом праздничность одежд не просто отмечается автором, а дается ее точное этнографическое описание. «Все мужчины и женщины были по-своему наряжены; последние в золотых венцах, в высоких своих кичках, в тафтяных или кумачных рукавах. У девушек были на голове только перевязки, по большей части из лент, полученных ими в подарок от своей госпожи; волосы заплетены были в косу» [Карамзин 1791, 293]. Далее следует важное в композиции очерка, но нехарактерное для народного празднования

Покрова отеческое наставление барина своим крепостным, как бы продолжающее праздничную проповедь священника. И наконец, разворачивается сцена пира, имеющая ключевое значение в очерке. Во-первых, пир — это и сам по себе праздник, ярко раскрывающий, что это время свободы, веселья, благополучия. Во-вторых, пир, совместная трапеза, является одной из самых архаических и традиционных форм социального объединения. В-третьих, пир неразрывно связан с такими эстетическими формами человеческого общения, как пение, танец/пляска, рассказывание. Все эти грани пира в той или иной степени присутствуют в очерке Карамзина. Хотя господа и не сидят за одним столом с крестьянами, они также включены в пир: «Все лакеи и дворовые служили им и наполняли чаши добрыми, жирными щами с мясом. Господин, госпожа и милые дети их ходили и смотрели, все ли довольны» [Там же, 297]. «Когда обед кончился, они разделились на разные партии: одни пошли качаться на качели, другие расположились на траве пить пиво, иные в кругах начали петь песни в честь своим господам; гудки загудели, дудки задудели, а молодые пошли трястись и вертеться, или плясать» [Там же, 299].

Наступивший вечер прекращает пированье, но праздник на этом не завершается. Его продолжением оказывается совершенно необычное действие, которое автор несколько иронично называет «чудом» и которое можно назвать «Праздником слуг».

«На другой день был праздник для дворовых людей. После нашего обеда, который кончился ранее обыкновенного, накрыли два стола в двух комнатах: один для официантов и слуг; а другой для нижних людей, то есть для ямщиков, для скотников, для конюхов и проч. Первых было с женщинами человек двадцать пять. Они сами поставили кушанье и сели за стол; а нам надлежало переменять им тарелки и подавать блюда. У них были уже супы, соусы, хлебное, виноградное вино. С кушаньями управлялись они так скоро, что мы измучились, подавая тарелки. Я слышал от своей няньки, что на том свете слуги будут господами, а господа слугами; но мне случилось и на сем свете видеть такое чудо. В половине обеда начали они пить здоровье господ своих и гостей, а потом свои здоровья, величая друг друга по именам и отчествам. Они прекрасно играли ролю господ, говорили бонмо, смеялись

и смешили, важничали и проч. и проч., как у нас водится» [Там же, 300–301].

Игровое, карнавальное перевертывание социального мира занимает в данном случае небольшой промежуток времени: только на время пира господ становяются слугами, а слуги — господами. В данном случае мы имеем дело с очень древней общеевропейской традицией.

Она возникла еще в античности. «В Афинах с незапамятных времен праздновались “Кронии” — праздник в честь Кроноса. Праздник этот был связан с окончанием осенних полевых работ (*frugibus et fructibus jam coactis* — по Филохору у Макробия, *Saturn. I, 10, 22*), он происходил в месяце гекатомбеоне, и в нем принимало участие, главным образом, беднейшее трудовое население, в том числе и в особенности рабы.

Вот что говорит об этих празднествах римский поэт Акций (цит. у Макробия, *ib.*, I, 7, 57). “Большая часть греков и в особенности Афины празднуют в честь Сатурна (Кроноса), и праздник этот называется Кронии. Празднуется он следующим образом: по селам и городам устраиваются веселье пиршества, господа прислуживают своим рабам, отсюда же и наш (т.е. римский) обычай, что господа пируют вместе с рабами”.

Следует полагать, что в классическую эпоху Кронии в Афинах носили на себе черты известной патриархальности, и господа в действительности угощали и ублажали своих домашних рабов. В более же позднее время праздник все больше приобретал демократический характер» [Ельницкий 1946, 55]. Такой характер отношения рабов и господ приобретали не только в этот праздник. «Такого же рода явления отмечаются и в отношении некоторых других общественных празднеств для разных мест Греции. Так, например, в г. Кидонии на о. Крите клароты (крепостные рабы) во время празднования Гермий (празднества в честь бога Гермеса) вели себя, как господа, а последние должны были даже позволять подвергать себя бичеванию.

Исполнявшиеся в честь бога Посейдона и имевшие место в месяце герайстии празднества в Трезене также сопровождались совместными пиршествами и играми рабов и свободных, на которых господа прислуживали рабам» [Там же, 56].

О совместной трапезе господ и рабов в Древнем Риме на празднике изобилия нового урожая в честь богини изобилия

Опис писал Макробий в своих знаменитых «Сатурналиях»: «...отцы семейств, когда уже повсюду собраны и злаки, и плоды, угощались вместе с рабами, с которыми они вынесли тяготы труда при уборке поля. Восхищается ведь бог уважением рабов, зрелищем труда» [Макробий 2013, 45].

Существовала подобная традиция и на Тенерифе (Канарские о-ва) после колонизации его Испанией. «Это был период, когда на острова с конкистадорами стали внедряться культурные традиции с континента. Так, еще в 1638 году в инсценированной свадьбе участвовали король Филипп IV и его двор. На этой свадьбе знатные вельможи переоделись в женщин, в простолюдинку переделась королева, а король превратился в слугу. В карнавале тоже участвовали обычные люди, не отягощенные громкими титулами. Изображая своих хозяев, скрываясь под масками, они высмеивали то, с чем вынуждены мириться в повседневной жизни. Эта карнавальная традиция пришла из Римской империи, когда демонстрировалась смена ролей, когда в одежды слуг облачалась знать, женщины становились мужчинами, наряды хозяев надевали слуги. Полная свобода от всех правил поведения и устоев является одним из основных принципов карнавала в Тенерифе по сей день» [Карнавал на Тенерифе].

Существовала она долгое время и в Англии. «Some Saturnalia traditions, like decorating with greenery, feasting, and the giving of gifts, are certainly part of Christmas. Others, like masters serving servants, were once popular at Christmastime but have largely fallen out of favor. (Social inversion lives on in some institutions, including the British Army, where officers serve dinner to the troops on Christmas)» [Handwerk 2013] (Некоторые традиции Сатурналий, такие, как украшение зеленью, застолье и дарение подарков, конечно же являлись частью Рождества. Другие, как, например, прислуживание хозяев слугам, одно время были популярными в рождественский период, но позднее в большинстве своем вышли из употребления. (Социальная инверсия продолжает существовать в некоторых организациях, в том числе в британской армии, где офицеры подают обед войскам на Рождество).

Вот одно из описаний этого праздника. «Нижние слуги прислуживали не только господам, но и верхней прислуге. Лакеи утром выносили ночной горшок из

комнаты дворецкого, младшая кухонная служанка будила кухарку, принося в ее комнату чай и вынося лишнее из ее спальни. Но однажды все менялось. В каждом богатом английском доме сохранялась традиция, заведенная много веков назад, когда хозяева становились слугами у своей прислуги. Конечно, это был больше фарс, чем настоящая служба. Ведь и горничные, и лакеи знали, что если сегодня они будут непочтительны к своим господам, то завтра их не будет в имении. Скорее, это была дань религиозному учению, напоминание высшим, что не стоит зарекаться от тюрьмы и от сумы. Однако в этот день слуги облачались в лучшие одежды (чаще всего с господского плеча), а хозяева одевались очень скромно и обращались к слугам так, как те ежедневно обращались к ним.

— Что прикажете, ваша светлость? Будет исполнено, сэр.

Иногда господа, передразнивая лакея или мальчика на побегушках, говорили:

— Сэр, помните, как вы послали меня в табачную лавку и дали мне денег? Такая неприятность, сэр, я поскользнулся на улице и упал, и ваши деньги упали прямо в водосточную канаву. Я уж искал, искал, но не нашел!

Смышленный слуга, исполнявший роль хозяина, включался в игру:

— Не беспокойся, Джон, потеря не велика, я дам тебе еще. И в этот раз ты уж будь добр не обронить» [Диттрич 2007, 207].

Так как в этнографической литературе не зафиксировано существование подобной традиции в России, то можно предположить, что владелец поместья использовал, скорее всего, английскую традицию, сократив и адаптировав ее. Как известно, Карамзин скрыл под точками имение Знаменское, принадлежавшее Алексею Александровичу Плещееву и его супруге Анастасии Ивановне [Письма 1993, 92]. Но установить точно, был ли А. А. Плещеев или его жена в Англии, знакомы ли они были с соответствующим праздником, пока не удалось.

Последней яркой точкой в описании праздника становится вечерняя всеобщая пляска, продолжавшаяся до глубокой ночи. «Вышедши из церкви, увидели мы перед господским домом иллюминацию; фонари, расставленные в некотором порядке, производили прекрасное действие. В зале все ликовало и шумело. Девки, перерядясь в крестьянское платье, плясали

по-русски. Кички, которые казались мне всегда самым некрасивым головным убором, некоторым из них придавали удивительную приятность. Хозяйка хотела видеть в этом наряде своих малюток: не можешь представить себе, как оне хороши казались! Мы их расцеловали» [Карамзин 1791, 307].

Описывая пляску, Карамзин приводит весьма любопытную этнографическую деталь, связанную как с праздником-карнавалом, так и со свадьбой: «Один из плотников с рыжею козлиною бородою, который мастер был играть на дудке, явился в английском фраке и в шапке конфедератке, начал дудеть и притапывать ногою, и приматывать головою, так, что нельзя было удержаться от смеху» [Там же, 307]. Это — ряженые в костюм другой социально-профессиональной группы, в том числе переодевание крестьян в барскую одежду или имеющую яркие иноэтнические особенности. Карамзин тщательно выписывает детали, подчеркивая, что совмещение русской пляски, игры на дудке с таким костюмом создает яркий образ, вызывающий смех у окружающих.

Автор завершает очерк также темой праздника, подчеркивая тем самым его доминантность в художественном мире очерка: «Таким образом все у нас веселилось: и мужики, и дворовые люди, и мы» [Там же, 308]. И то, что завершение его восстанавливает социальный миропорядок, не акцентируется автором и укладывается буквально в несколько слов: «Тут сцена переменилась — все замолкло — слуги стали опять слугами и должны были накрывать для нас стол» [Там же, 307–308].

Праздник-пир, праздник-свадьба в данном очерке, как уже отмечали исследователи, является художественным средством воплощения «идеала помещичьего „добро нравия“ в представлении новиковского кружка», «идеального быта деревни» [Виноградов 1961, 350], своеобразной инструкцией, показывающей, как можно «вносить мир и идеальную гармонию в современный им несовершенный общественный строй» [Там же, 365]. Неслучайно именно этот образ пира-праздника становится сквозным в творчестве писателя («Наталья, боярская дочь», 1792; «Письмо сельского жителя», 1803), свидетельствуя об одной из важнейших и неизменных сторон его мировоззрения.

Литература

Агапкина 2009 — Агапкина Т. А. Покров // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). М., 2009. С. 127–128.

Берков 1952 — Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.

Виноградов 1961 — Виноградов В. В. «Сельский праздник и свадьба»: Неизвестное письмо Карамзина к другу из деревни Благополучной // Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 339–365.

Диттрич 2007 — Диттрич Т. В. Повседневная жизнь викторианской Англии. М., 2007.

Ельницкий 1946 — Ельницкий Л. А. О социальных идеях Сатурналий // Вестник древней истории. 1946. № 4. С. 55–65.

Карамзин 1791 — Карамзин Н. М. Сельский праздник и свадьба. Письмо к... // Московский журнал. 1791. Ч. 1. Кн. 3. Месяц март. С. 292–308.

Карнавал на Тенерифе — Карнавал на Тенерифе // Канарские острова. Турагентство по Испании. URL: <http://kanarskie-ostrova.ru/otdih/97-karnaval-na-tenerife.html> (дата обращения: 04.12.2014).

Кислягина 1976 — Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина (1785–1803 гг.) / Под ред. проф. И. А. Федосова. М., 1976.

Макробий 2013 — Макробий Ф. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В. Т. Звиревича; Общ. ред., сост., вступ. ст. М. Петровой; Прим. и указатели М. Петровой, В. Т. Звиревича; Прилож. М. Петровой. М., 2013.

Пиксанов 1958 — Пиксанов Н. К. «Бедная Анюта» Радищева и «Бедная Лиза» Карамзина // XVIII век. Сб. 3. М., 1958. С. 309–325.

Письма 1993 — Письма Н. М. Карамзина к В. М. Карамзину / Публ. В. Э. Вацура // Русская литература. 1993. № 2. С. 80–132.

Позднякова 2003 — Позднякова Е. Г. Фольклоризм прозы Н. М. Карамзина: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2003.

Handwerk 2013 — Handwerk B. Yuletide Tales: Santa, Singing Mobs, and the Time Christmas Was Canceled // National Geographic. URL: <http://news.nationalgeographic.com/news/2013/12/131222-science-santa-claus-christmas-jesus-pagan-saturnalia-wassail-puritan/> (дата обращения: 04.12.2014).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова: Российская Федерация, 432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, д. 4; тел.: +7 (8422) 44-11-58; e-mail: matlin@mail.ru

FEAST IMAGE IN KARAMZIN'S ESSAY "RURAL FEAST AND WEDDING"

MIKHAIL MATLIN

(Ul'yanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ul'yanov:
4, sq. of 100th Anniversary of V. I. Lenin's birth,
Ul'yanovsk, 432700, Russian Federation)

Summary. *The article reveals the peculiarity of the image of a Russian traditional wedding ceremony, combined with a unique holiday, which was called "the Feast of Servants" in Western Europe. A famous Russian writer and historian N. M. Karamzin reported about both in his sketch. He did not describe a wedding ceremony, typical of the particular region, in general, but articulated details of a specific wedding ceremony, which he had observed himself. Witnessing as a principle of recording of traditional weddings became popular in Russia in the middle of 19th century. Karamzin paid attention both to entire ceremonial sets and to separate rites, songs and prose texts, their positioning in ceremonial situations and performers appropriate to them. The unique feature of the wedding ceremony description is that so-called "ethnographism" is combined with depiction of individual emotional states of the participants, especially of the bride. "The Servants' Feast" which crowns the celebration in the estate visited by the narrator was not typical of Russian traditional culture. Most likely, it was organized at the estate under the*

influence of an English tradition, which existed till the end of the 18th century in England. All this makes Karamzin's sketch important for the history of Russian folklore studies as one of the first descriptions of the Russian traditional wedding. It is possible to note some characteristic features of the interaction between literature and folklore, so called "folklorism", in the Russian prose of 18th century in it. It helps to deepen understanding of the role of ethnographic material in the fiction manifestation of social and ethical ideals given by N. M. Karamzin.

Key words: Russian folk wedding, feast, folklorism, ethnographism, essay, N. M. Karamzin.

Acknowledgements. This research is supported by the grant of the Russian State Fund for Humanities, No.13-04-00254.

References

- Agapkina T. A.** (2009) Pokrov [The Protecting Veil of the Holy Virgin]. *Slavyanskije drevnosti: Et-nolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethno-linguistic Dictionary in 5 vol. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 4: P — S]. Moscow. Pp. 127–128. In Russian.
- Berkov P. N.** (1952) Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII veka [The History of Russian Journalism of the 18th Century]. Moscow; Leningrad. In Russian.
- Dittrich T. V.** (2007) Povsednevnyaya zhizn' viktorianskoy Anglii [Everyday Life of the English Victorian Age]. Moscow. In Russian.
- El'nitskiy L. A.** (1946) O sotsial'nykh ideyakh Saturnaliev [About Social Ideas of Saturnalia]. *Vestnik drevney istorii* [Herald of the Ancient History]. 1946. No. 4. Pp. 55–65. In Russian.
- Handwerk B.** (2013) Yuletide Tales: Santa, Singing Mobs, and the Time Christmas Was Canceled. *National Geographic*. URL: <http://news.national-geographic.com/news/2013/12/131222-science-santa-claus-christmas-jesus-pagan-saturnalia-wassail-puritan/> (referred 04.12.2014). In English.
- Karamzin N. M.** (1791) Sel'skiy prazdnik i svad'ba. Pis'mo k... [Rural Feast and Wedding. A Letter to...]. *Moskovskiy zhurnal* [Moscow Journal]. 1791. Part 1. Book 3. March the Month. Pp. 292–308. In Russian.
- Karnaval na Tenerife [Carnival at Tenerife]. *Kanarskie ostrova. Turagenstvo po Ispanii* [The Canary Isles. Tourist Agency dealing with Spain]. URL: <http://kanarskie-ostrova.ru/otdih/97-kar-naval-na-tenerife.html> (referred: 04.12.2014). In Russian.
- Kislyagina L. G.** (1976) Formirovanie obshchestvenno-politicheskikh vzglyadov N. M. Karamzina (1785–1803 gg.) [Formation of Social and Political Convictions of N. M. Karamzin]. Ed. by prof. I. A. Fedosov. Moscow. In Russian.
- Makrobiy F.** (2013) Saturnalii [Saturnalia]. Transl. from Latin and Ancient Greek by V. T. Zvirievich. Ed., comp., pref. by M. Petrova; comm. by M. Petrova and V. T. Zvirievich, attachment by M. Petrova. Moscow. In Russian.
- Piksanov N. K.** (1958) "Bednaya Anyuta" Radishcheva i "Bednaya Liza" Karamzina ["Poor Anyuta" by Radishchev and "Poor Liza" by Karamzin]. XVIII vek. Sb. 3. [The 18th Century. Miscellanea 3]. Pp. 309–325. In Russian.,
Pis'ma N. M. Karamzina k V. M. Karamzinu. Publ. V. E. Vatsuro [N. M. Karamzin's Letters to V. M. Karamzin. Ed. by V. E. Vatsuro]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 1993. No. 2. Pp. 80–132. In Russian.
- Pozdnyakova E. G.** (2003) Fol'klorizm prozy N. M. Karamzina [Folklorism in N. M. Karamzin's Prose. PhD Thesis]. Chelyabinsk. In Russian.
- Vinogradov V. V.** (1961) "Sel'skiy prazdnik i svad'ba": Neizvestnoe pis'mo Karamzina k drugu iz derevni Blagopoluchnoy [Rural Feast and Wedding: Karamzin's Unknown Letter to his Friend from "Happy" the Village]. *Problema avtorstva i teoriya stiley* [Authorship Problem and Style Theory]. Moscow. Pp. 339–365. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: matlin@mail.ru

Tel.: +7 (8422) 44-11-58

4, sq. of 100th Anniversary of V. I. Lenin's birth, Ul'yanovsk, 432700, Russian Federation

PhD (Philology), associate professor, department of Russian language, Literature and Journalism, Ul'yanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ul'yanov
